

Желания против возможностей. Или наоборот?

Германия на развилках

Фёдор Лукьянов, Евгения Прокопчук

Ф.А. Лукьянов – главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Е.Э. Прокопчук – аналитик Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Данная статья подготовлена в рамках проекта «Взаимодействие России и Европы как управление уязвимостью партнёра: взаимные риски и возможности отхода от конфронтационной повестки», реализуемого при поддержке факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В основе материала – серия обсуждений, организованных Советом по внешней и оборонной политике.

DOI: 10.31278/1810-6439-2026-24-2-130-142

В Европе происходят глубокие социальные и политико-экономические изменения, вызванные и внутренними, и международными процессами. Заметно всё больше признаков кризиса модели европейской интеграции, как она была задумана во второй половине XX века и развивалась в нынешнем столетии. Кардинальные сдвиги на мировой арене ведут к растущему давлению внешних факторов – экономических, демографических, политических и даже военных.

Фактический разрыв связей с Россией и всё более сложные отношения с Китаем сопровождаются разворотом курса главного союзника Европы – Соединённых Штатов. Говорить об уходе США из Старого Света или серьёзном сокращении их присутствия на

континенте преждевременно. Но Вашингтон пересматривает некоторые принципы отношений с европейцами. Цель – сделать их более функциональными, то есть обслуживающими напрямую американские интересы, и рентабельными. В Европе пока нет идеи, как изменить собственное поведение и позиционирование, однако укореняется мнение, что делать это придётся.

На протяжении столетий известно, что решающей для развития континента является ситуация в Германии (какую административно-государственную оболочку страна ни приобретала бы). Архитектура Европы второй половины XX века, ставшая основой либерального мирового порядка, тоже определялась прежде всего немецким сюжетом – силовым решением «немецкого вопроса» и устранением Германии как геополитического фактора. Сначала посредством военного уничтожения её прежней государственности, потом разными способами ограничения суверенных возможностей рамками альянсов. Германию это устраивало, в заданных рамках никто не препятствовал реализации её возможностей и преимуществ. А делегирование вопросов стратегии, в том числе оборонной, внешним партнёрам избавляло Бонн/Берлин от части присущих государству забот.

Быстро меняющаяся международная ситуация поставила Германию перед сложной дилеммой. Речь об отказе от ставших привычными и комфортных форм существования. Требуется принятие решений, которые при неблагоприятном развитии событий могут привести к возвращению того самого «германского вопроса», который считали решённым раз и навсегда в предыдущие десятилетия. Он, конечно, будет сформулирован иначе, чем в былые времена, но рискует оказаться не менее острым по сути, прежде всего для самих немцев.

Совет по внешней и оборонной политике провёл в конце 2025 – начале 2026 г. несколько закрытых обсуждений с участием ведущих российских и немецких специалистов по политической и экономической ситуации в Германии и российско-германским отношениям. Данная статья представляет собой вольное обобщение идей, прозвучавших на семинарах, и не претендует на исчерпывающее изложение. Авторы благодарят коллег, поделившихся своими суждениями, и готовы продолжить совместную работу.

ВРЕМЯ ЦУГЦВАНГОВ

Главное ощущение, которое определяет внутривнутриполитическую атмосферу Германии и идущие там дискуссии, – растерянность перед лицом растущей неопределённости: прежде всего внешней, но как прямое следствие – и внутренней. С этим согласны все участники наших обсуждений. Военно-политический кризис 2022 г. застал Берлин врасплох. Объявленная канцлером Олафом Шольцем «смена вех» (*Zeitenwende*) была импульсивной реакцией на лавину событий, а не осознанием, что делать дальше. Ситуация усугублялась тем, что сложное по составу правительство Шольца (коалиция трёх партий во главе с социал-демократами) пришло к власти после долгого правления Ангелы Меркель (шестнадцать лет). Ей был присущ консерватизм не столько идеологический (хотя ведущей силой кабинета являлись консерваторы), сколько поведенческий – нежелание существенно корректировать курс даже в условиях таких острых кризисов, как европейский долговой или миграционный.

С 2022 г. необходимость принимать резкие решения в положении цугцванга, когда любой шаг предполагал существенные политические и социально-экономические риски, оказывала психологическое давление на немецкие власти. Помимо прочего, им приходилось постоянно оправдываться и внутри страны, и перед партнёрами по Евросоюзу за прежнюю якобы соглашательскую линию в отношении Москвы. Тем более что канцлер и федеральный президент представляли партию, исторически ассоциировавшуюся с «восточной политикой» сближения с СССР/Россией. Наличие же на ключевых постах в кабинете (министр иностранных дел Бербок и экономики Хабек) руководителей крайне идеологизированной Партии зелёных, которые заняли непримиримую позицию в отношении Москвы, превращало деятельность правительства в балансирование на грани опасных противоречий.

Но основная проблема связана с тем, что обвальное изменение ситуации в Европе и вокруг неё лишило политику Германии всех опор, на которых она покоилась в течение долгого времени. Отказ от выгодных российских энергоносителей, обвальное падение с российского рынка, необходимость срочно повышать военные расходы на себя и поддержку Украины, наконец, невозможность настаивать на

праве в первую очередь реализовывать свои экономические интересы подрывали основы благополучного существования Германии. Шок от неожиданности происходящего, искренний страх перед будущим, которое может оказаться возвращением кошмарного для немцев прошлого, неспособность выработать собственную, отдельную от атлантической линию в отношении конфликта, полная победа нужд военно-политически понимаемой безопасности над рыночной, экономической логикой, необходимость быть «святое папы римского» в вопросе отмежевания от России – всё это определило нервный подход правительства Шольца. Нервный и не вполне последовательный, потому что канцлер социал-демократ, будучи всё-таки отдалённым наследником традиции примирения с Востоком, старался купировать наиболее агрессивные заявления как европейских, так и некоторых немецких политиков.

Распад коалиции Шольца и объявление досрочных выборов совпали с победой Дональда Трампа на выборах 2024 года. Кабинет Фридриха Мерца, унаследовавший ворох различных проблем, получил ещё и новую заботу – кризис трансатлантического сообщества из-за откровенно пренебрежительного восприятия европейских союзников администрацией Белого дома. Это обстоятельство служит ещё более обескураживающим фактором, чем крах российской или трудности китайской политики Германии.

Немецкий истеблишмент от политических фигур до подавляющего большинства интеллектуалов любого толка воспитан исключительно в проамериканской атлантической парадигме. Это было целенаправленным курсом на протяжении десятилетий после Второй мировой войны, и пока нет оснований рассчитывать на появление другого направления мысли и действия за исключением явно маргинальных. Даже партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), выступающая с позиций национал-суверенизма против глобалистского доминирования, не настроена антиамерикански как минимум в том, что касается укрепления военных связей со старшим союзником по НАТО. Симпатии к АдГ видных представителей трампистских кругов (Илон Маск, Джей Ди Вэнс) это только подчёркивают.

Избежать любой ценой раскола между Европой и Америкой – задача для Берлина более важная, чем для других ключевых ев-

ропейских столиц. Одна из причин: гипотетический уход Соединённых Штатов с европейского континента оставил бы Германию в окружении партнёров и союзников, ни один из которых не может считаться настроенным к немцам в полной мере благожелательно. Риск качественного ослабления атлантических контактов в области безопасности не столько мобилизует на создание самостоятельного потенциала, сколько повышает уровень общего алармизма немецкой политической дискуссии. И по поводу якобы вероятного и скорого (согласно официальным заявлениям, уже в 2028-2029 гг.) нападения России на Европу, и в контексте баланса интересов внутри европейского интеграционного объединения. Вопреки предположениям, которые звучали в России в нулевые годы и первой половине 2010-х, Германия не тяготится положением «оккупированной страны», суверенитет которой ограничен американским диктатом. Перспектива ослабления этого «диктата» воспринимается как наиболее дестабилизирующий фактор, опасный для Германии.

В то же время в стране, как и во всей Европе, крепнет убеждение, что возврат к прежнему атлантическому союзу невозможен. Уход Трампа и даже реванш демократов на следующих выборах принесут изменение риторики и некоторых нюансов курса, но не отказ от трамповского наследия. США попросту слишком много приобрели, благодаря пересмотру принципов отношений с ЕС, чтобы отдавать трофеи назад. Отсюда установка – согласившись на другие условия с Соединёнными Штатами, добиться подтверждения их обязательств хотя бы на уровне присутствия и деклараций. Германия больше привержена такой цели, чем, например, Франция или Британия.

В результате «смена вех» по сей день, спустя четыре с лишним года после объявления о ней и при другом, более решительно настроенном правительстве, остаётся констатацией, а не руководством к действию. Олаф Шольц камуфлировал этот факт относительной скупостью высказываний, стараясь меньше выносить внутренние противоречия на всеобщее обозрение. Фридрих Мерц руководствуется противоположной логикой, делая громкие заявления и имитируя непреклонность правительства. Это делает отношения Берлина с Москвой ещё более напряжёнными, чем

они могли бы быть при наличии чёткого понимания германским руководством своих задач и перспектив, пусть для России и неблагоприятных.

ЦЕННОСТЬ ВОЙНЫ, А НЕ МИРА

Немецкий истеблишмент, как и большая часть европейского, считает, что украинский конфликт имеет жизненно важное значение для Германии и Европы. Отчасти это связано с шоком, который испытал Старый Свет, наблюдая крушение устройства, ставшего привычным за десятилетия либерального мирового порядка и для Европы оптимального. Отчасти (и значение этого компонента растёт) – по другой причине. Солидарность с Украиной и противостояние России служат стержнем общеевропейской повестки. И в случае его удаления (прекращения если не конфликта, то горячей фазы войны) возникнут другие проблемы, Европу не объединяющие, а разделяющие.

Нетипично откровенные для немецкой практики высказывания публичных и даже официальных лиц о фактической заинтересованности Европы в продолжении войны, поскольку Украина «воюет вместо нас», показывает ход мыслей. В некотором смысле слова Ангелы Меркель сказанные в 2022 г., когда она, оправдываясь за Минские соглашения, назвала их не более чем способом оттянуть время и дать Киеву возможность подготовиться к войне с Россией, теперь распространяются на всю Европу. Только функцию минского перемирия для Украины выполняют боевые действия на чужой территории, предоставляющие ЕС отсрочку для подготовки.

Тема наращивания военного потенциала (милитаризации) служит лейтмотивом общественно-политической дискуссии в Европе и особенно в Германии. Здесь, однако, наблюдаются разночтения как прикладного, так и идеологического рода.

Что касается практического аспекта милитаризации, можно отметить роль военно-промышленного комплекса, который предлагает наращивание производства в качестве средства восстановления экономического роста. Такая идея, которую трудно было вообразить именно в Германии ещё пару лет назад, активно обсуждается. Пацифистски настроенные политические силы почти отсутствуют, разве что наиболее левая часть спектра (Блок Сары Вагенкнехт,

меньшинство Левой партии). Прежние лидеры антивоенных настроений, наподобие «зелёных», превратились в наибольших ястребов, переосмыслив леволиберальную повестку в наступательном ключе. Оппозиция справа в лице АдГ поддерживает укрепление оборонного потенциала и возвращение к «маскулинной» политике, хотя и не считает целесообразной её антироссийскую направленность.

Меньше единства наблюдается по части того, к чему должен привести курс на военное усиление Германии. Можно услышать мнение, что милитаризация как средство, экономический инструмент вполне уместна, но как цель, которая должна иметь продолжение, – нет. Правда отсутствует внятное объяснение, почему «висящее на стене ружьё» не выстрелит в какой-то момент развития сюжета. Считается, что этого просто не произойдёт без прямого нападения России, которое, впрочем, объявлено возможным. Несмотря на развёртывание кампании по запугиванию населения растущей угрозой войны, общественные настроения пока не созрели для поддержки подготовки к ней. Намерение вернуть призывную службу в целом одобряется населением, но не теми, кого это непосредственно касается, – молодёжь против.

Тем не менее исключить возможность изменения общественного отношения к военным действиям нельзя. Со времени Второй мировой войны немецкое общество воспитывается преимущественно в ценностных категориях, оно, если так можно сказать, морально вышколено. Сначала оккупационными силами для «перепрограммирования» сознания, потом уже собственным руководством для более гладкого и внутренне непротиворечивого управления. В итоге всякое действие обязательно должно быть упаковано в ценностную оболочку. Немецкие политические субъекты не могут действовать чисто политически, обосновывая решения соображениями выгоды и интереса. Все ведущие сюжеты последних десятилетий – от экономического сближения с Россией до вопросов экологии, миграции, а теперь и Украины – подаются как необходимость защиты европейских ценностей, без которых вся европейская конструкция просто не устоит. Подготовка к войне трактуется в том же ключе нравственного императива, ответственности перед человечеством. Наглядный пример – трансформация Партии зелёных из принципиально антивоенной в агрессивного сторонника силовой политики.

Эта специфика европейской политики, которая давала ЕС эффективные инструменты, особенно после холодной войны, сейчас оказывается анахронизмом на фоне международных процессов. В первую очередь – действий США, старшего партнёра Европы. Однако способность европейских и, прежде всего, немецких политиков вернуться к мышлению в стиле *Realpolitik* ограничена. Теперь уже и недостатком материальных возможностей, чтобы преуспевать в таком более традиционном и меркантилистском мире. Поэтому ощущение моральной правоты и ценностный ригоризм, не позволяющий вступить с Москвой в предметный диалог, необходимо культивировать и развивать. Отказ от такого подхода чреват расползанием европейского единства, хотя и способность сохранять этот скрепляющий элемент неопределённо долго под сомнением.

Наиболее ярким примером порождённой этим коллизии служит тема вступления Украины в Европейский союз, которая фигурирует в контексте будущего урегулирования. Моральный долг принять Украину, которой внушают, что она героически жертвует собой во имя свободы Европы, сталкивается с совершенной невозможностью сделать это без разрушения базовых принципов функциональной интеграции.

Преодоление такого противоречия требует либо ухода от идейно-ценностной повестки в сторону прагматизма, либо, напротив, превращения (методами агитации и пропаганды) ценностных императивов в вариант, наиболее прагматичный в глазах граждан. Первое, по крайней мере, в Германии кажется сейчас почти недостижимым. Поэтому не стоит сбрасывать со счетов второй вариант – системную работу по дальнейшей «милитаризации» ценностей, то есть выстраивание реальной политики, исходящей из неизбежности и необходимости военного противостояния с Россией.

Ценностный аспект особенно важен для Германии, потому что европейское единство в её случае – залог экономического процветания, а его распад чреват тяжелейшими последствиями. Стоит обратить внимание, что большинство европейских крайне правых, в том числе и АдГ, отказались от лозунга выхода из Евросоюза. Он был распространён в середине прошлого десятилетия на фоне кампании за Брекзит в Британии. И собственно британский опыт

показал, что издержки от европейской дезинтеграции превысят любые дивиденды.

Вопрос о моральном долге перед Украиной стал современной интерпретацией всего послевоенного нарратива Германии о необходимости искупления вины за преступления нацизма. Если раньше это распространялось на все народы СССР и прежде всего на русских, теперь в центре Украина. Этим объясняется и тот факт, что в немецких медиа в отличие от СМИ других стран практически не поднимается вопрос об использовании передаваемых средств и минимально присутствует проблема коррупции на Украине.

ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА

Участники обсуждений подробно касались перспектив немецкой внутренней политики. Ситуация достаточно противоречивая. С одной стороны, падает авторитет всей политической системы, снижается доверие к ведущим политическим силам, особенно традиционным «народным», то есть крупнейшим массовым партиям. Фридрих Мерц не считается сильным руководителем, уверенно контролирующим даже собственную партию ХДС. Его убедительное переизбрание на пост партийного лидера означает не столько прочность позиций политика, сколько осознание критичности положения и нежелание дополнительно раскачивать ситуацию внутренними конфликтами. Каждые выборы демонстрируют относительное ослабление классических и рост популярности несистемных партий с обеих сторон (АдГ и Левая).

Однако феномен современной, особенно европейской, политики в том, что потеря авторитета не обязательно означает потерю власти. Путём совершенно законных манипуляций её часто удаётся удержать. А система, сохраняя выборные процедуры, в большей степени работает не на обновление, а на самосохранение и поддержание стабильности.

Большинство участников наших обсуждений считают, что в обозримой перспективе изменения настроений избирателей не приведут к серьёзной перекройке германского политического ландшафта. Партия АдГ в этом году может добиться первого крупного успеха и стать неоспоримым победителем в федеральной

земле Саксония-Ангальт, однако это не означает неизбежных перемен в политической структуре.

«Нормализация» АдГ, то есть включение её в линейку партий, допустимых для коалиционных соглашений, пока не выглядит вероятной, как минимум на федеральном уровне. Скорее можно предположить формирование любых, всё более сложных, комбинаций, чтобы исключить национал-суверенистов из власти. Ожидать же, что на общегерманском уровне они смогут набрать голоса, достаточные для формирования собственного правительства или хотя бы для того, чтобы никакая коалиция не была возможна без них, пока не стоит.

Одновременно сама партия, как считают некоторые участники, пока не стремится к реальному управлению. С одной стороны, идеологический компромисс, на который для этого придётся пойти, не устраивает значительную часть

Российско-германские отношения, как они существовали до 2022 г., необратимо в прошлом.

партийного актива. Все внутренние споры между «непримиримыми» и «сторонниками компромисса» за почти полтора десятилетия истории АдГ заканчивались признанием правоты первых. С другой – в самой партии признают, что не готовы принять реальную управленческую ответственность, поскольку «Альтернативе» не хватит квалифицированных кадров. Подготовка идёт, но результат можно ожидать не во время ближайших избирательных циклов. Ранний выход на первые позиции может не укрепить, а дискредитировать партию.

В целом партийно-политический ландшафт Германии остаётся нестабильным, что добавляет нервозности в обществе. В отличие от Италии, Бельгии, Нидерландов, а теперь и Франции, где существование неустойчивых и часто сменяющихся правительств является нормой и не мешает нормальному функционированию государства, немцы к такому не привыкли.

ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

Практически консенсусное мнение участников обсуждений в том, что российско-германские отношения, как они существовали до

2022 г., необратимо в прошлом. Будучи продуктом особого стечения историко-политических обстоятельств второй половины минувшего века, они не подлежат восстановлению, как бы дальше ни развивались события. В Германии отсутствуют политические силы, которые хоть в какой-то степени апеллировали бы к традиции «восточной политики». Интересы немецкого бизнеса, которые с 1950-х гг. играли важную роль в налаживании, укреплении и расширении связей, сейчас полностью подчинены политической целесообразности, согласно пониманию правительства. Редкие высказывания отдельных политиков, ставящие под сомнение продуктивность экономического отмежевания от России, встречают резкий отпор истеблишмента и медиа с обвинениями в пособничестве Кремлю.

Это не означает, что бизнес полностью поставил крест на российском направлении. В случае прекращения военного конфликта часть тех, кто работал на российском рынке, и тем более те, кто продолжает такую работу «ниже радаров» (а это немалая доля предприятий среднего масштаба, которые присутствовали в России до начала СВО), будут заинтересованы в открытии новых возможностей, прежде всего в торговле. Правительство Шольца, где тон в экономической политике задавали «зелёные», было настроено резко против сохранения экономических связей с Россией. Нынешний кабинет на непубличном уровне исходит из того, что не надо добивать остающееся, и не принимает мер, чтобы заставить бизнес окончательно свернуть дела. В нынешних условиях любые резкие шаги против сохраняющихся деловых интересов вызовут немедленный ответ того же рода, а интересы имеются по обе стороны. Политические власти предпочитают, как было сказано одним из участников, «не убивать заложников», а оставить их на случай необходимости начать восстановление коммуникации в будущем.

Вопреки предположениям, которые иногда высказываются у нас, деградация социально-экономической ситуации не приводит к росту настроений в пользу восстановления экономических связей с Россией. Общественное мнение как будто бы распределено по разным «корзинам»: экономическая ситуация и критика в адрес правительства – одна, проблемы поддержки Украины и санкций против России – другая. Возможно, ситуация изменится в случае дальнейшего ухудшения положения граждан.

Политически никаких идей по части размораживания отношений нет. Германия в той же, а то и большей степени, чем другие ведущие страны ЕС, разделяет точку зрения, что у украинского кризиса не может быть разрешения, которое позволит России хоть что-то приобрести. Иными словами, только поражение Москвы будет справедливым завершением военных действий. Фридрих Мерц чётко заявил об этом в февральском интервью *FAZ*. Нереалистичность подобных требований на фоне военно-экономической ситуации в зоне конфликта не служит препятствием для сохранения такой позиции. От Германии не следует ждать инициатив или действий, которые способствовали бы прекращению конфликта. Если такие действия или инициативы поступят от других (США или сама Украина) и начнут реализовываться, Берлин к ним присоединится, но не в первых рядах.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Германия переживает самый острый политический и экономический кризис за всю послевоенную историю. Исчезновение всей внешней системы координат, в которых страна развивалась на протяжении десятилетий, требует быстрой адаптации социально-политической модели. Однако немецкой политической культуре исторически не свойственна гибкость, способность эффективно скорректировать курс в соответствии с меняющимися условиями. Немецкая политика инерционна и разворачивается только в ситуации осознания полного и окончательного тупика.

Германия больше других стран Европы нуждается в ценностном обосновании своей политики и наименее склонна к маневрированию по обстоятельствам. В пятидесятые–семидесятые годы прошлого века, когда Западная Германия выбирала прагматичную линию в отношении СССР (восстановление связей при Конраде Аденауэре, «восточная политика» и начало энергетических проектов при Вилли Брандте), это вписывалось в общую моральную рамку преодоления исторической вины и извлечения уроков из собственного катастрофического прошлого. Но ценности современной немецкой дипломатии сформировались после объединения в период «однополярного момента» 1990-х гг.: есть «правильная сторона истории», должный путь развития всего мирового сообщества, и Германия – среди ли-

дерев, она даже уже ушла вперёд на пару шагов, благодаря беспрецедентной «работе над ошибками», проделанной немцами к этому моменту. Этот набор убеждений обусловил особенную негибкость и даже определённое чувство морального превосходства. И переход к *Realpolitik* в новых условиях просто так невозможен – требуется какой-то другой набор ценностей, которого пока не видно. Это, вероятнее всего, означает, что нынешняя политическая линия будет выдерживаться последовательно и, возможно, активизироваться. Наиболее опасным элементом может стать попытка опереться на милитаризацию, что, помимо прочего, вызовет разноречивую реакцию в других европейских странах и может подхлестнуть общую «гонку вооружений» в Европе.

Силы, которые возражают против активной поддержки Украины и считают важным восстановление отношений с Россией, не определяют политику Германии. Либо в силу малочисленности, как левые группы и небольшая часть старшего поколения главных партий, либо по причине общей «нерукопожатности», как АдГ. Второе может в перспективе измениться, но некоторые участники обсуждения предупреждали, что России не следует возлагать избыточные надежды на сдвиг немецкой политики вправо. В случае «нормализации» АдГ партийная линия может претерпеть изменения, примеры их единомышленников в Италии и Франции это демонстрируют. Правда, экономический прагматизм не стоит сбрасывать со счетов в случае существенного изменения состава правительства.

Главной задачей Германии, кто бы ни составил будущие кабинеты, станет поиск нового баланса трансатлантических отношений. По совокупности причин Германия нуждается в стабильных отношениях с США для поддержания своих позиций в Европе. В случае сохранения в Соединённых Штатах в ближайшие годы нынешних идеологических тенденций, можно предположить, что под воздействием Вашингтона, заинтересованного, согласно Стратегии национальной безопасности, в преодолении раскола России и Европы (для отдаления России от Китая), Берлин станет сдвигаться к более умеренной позиции в отношении Москвы. Однако пока это находится в сфере гипотетического.